Анатолий Гусев

12+

Меч Аркаима

Анатолий Алексеевич Гусев
Меч Аркаима

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29806617
SelfPub; 2024
ISBN 978-5-532-12612-1

Аннотация

Два друга случайно узнали, что чеченские боевики собираются послать на Северный Урал двух своих людей, где по легенде находится старинный меч, который приносит военную удачу на ближайшие двенадцать лет. Друзья решают перехватить меч раньше бандитов, завладеть ценным артефактом, и тем самым спасти Россию от затяжной войны. Но оказывается, что эмиссары чеченских боевиков меньше всего интересуются мечом. Книга переработана и дополнена.

Содержание

Глава первая 4
Глава вторая 16
Глава третья 30
Глава четвёртая 47
Глава пятая 62
Конец ознакомительного фрагмента. 75

Анатолий Гусев
Меч Аркаима

Глава первая

Чечня. Середина октября 1999 г.

Наши федеральные силы начали наступление с севера с намереньем форсировать Терек. Разумеется, основной целью было уничтожение банд на всей территории Чечни, вплоть до города Грозного.

Федералы напирали. Бандитские формирования не выдерживали натиска, отступали.

Через два дня они достигли северного берега Терека, где и попытались закрепиться. Но закрепиться не удалось.

Федеральные части выбили боевиков из станицы, и через поле погнали их к зелёно-жёлтой, длинной рощи, тянувшейся по берегу реки, утюжа вертолётами. Боевики добрались до неё и там окопались. Из «зелёнки» их надо было выкуривать уже пехоте. Вертолёты достреляли боезапас по кустам, развернулись и улетели на север, в тыл.

Федералы, на этом участке – десантники, со стрельбой, вжимаясь во все неровности местности, прыгая через оросительные канавы, с матерной руганью, короткими перебежками двинулись к «зелёнке».

Петька Иванов, старший сержант ВДВ сверхсрочник, парень роста чуть ниже метра восьмидесяти, тёмно-русый, усатый прыгнул в воронку от ракеты, чтобы отдышатся, и перевести дух. Он прислонился спиной к краю и подумал: «Покурить, что ли?». Но решил, что идти в атаку с сигареткой в зубах – это пижонство, а, во-вторых, умирать (не дай Бог, конечно) с ней как-то не эстетично. Он повернулся, высунулся из воронки, стреляя по «зелёнки», где в тени деревьев маячили силуэты боевиков. В живот что-то упёрлось, мешая плотно вжаться в землю. Он поворочался, животом уминая землю, удобнее устраиваясь, не прекращая при этом стрелять. Но удобнее не становилось, что-то по-прежнему мешало ему. Пётр выругался, прекратил стрелять и опустился в воронку, чтобы устранить то, что ему мешало. Из земли торчал фрагмент какого-то, похоже, что обработанного диска из желтоватого камня. Это заинтересовало Петра. Он достал нож и стал откапывать диск, совершенно забыв про бой. Наконец, он вытащил камень целиком, стряхнул с него землю. В руках у него оказался каменный диск с ободком и отверстием посередине, в виде колеса. С двух сторон на нём просматривались какие-то не чётко, как казалось от забившей их земли, прорисованные знаки, похожие на крючковатые буквы. Подумал: «Камушек-то, видно давно в земле валяется. Явно древняя штуковина». Вспомнилось о друге в далёкой, и как-то теперь уже не реальной Москве: «Вот Афонька обрадуется. А то пишет: ты будешь воевать в Древней Ха-

зарии, хорошо бы ты мне древних черепков привёз бы. Вот мне больше делать не чего, как в земле копаться. Тут свой бы черепок привезти в целости. Как будто мы на прогулке. Ходим тут – тросточкой одуванчики сбиваем. Здесь война, милый, со всеми её прелестями». Но диск, всё же решил взять с собой.

– Ранен? – сверху раздался тревожный голос Андрея, сослуживца Петра.

Тот замотал головой, отрицая:

– Нет. Иди сюда. Смотри, что нашёл.

– Прохлаждаешься, – недовольно пробурчал Андрей, но в воронку сполз.

Взял в руки диск, повертел, спросил с иронией:

– И что ты с ним делать собираешься?

– В Москву отошлю. Другу. Он у меня историк. Считай, что я навеки вписан в анналы истории, как первооткрыватель этой штуки.

– Ну-ну. Историк. Пойдём лучше постреляем, дезертир.

– Чем это лучше? – удивился Пётр.

– Пошли, пошли, – сказал Андрей.

И, выпрыгнув из воронки, побежал, стреляя, вперёд, к «зелёнке».

Пётр вздохнул, запихнул диск под куртку и тельняшку в штаны, подтянул брючным ремнём, и, то же выскочил из своего укрытия, дал очередь из автомата, помчался зигзагами чуть левее в том же направлении, что и Андрей.

Диск мешал бежать, всё норовил выскочить, отвлекал от боя. Его постоянно требовалось поправлять. Но Пётр упорно не хотел с ним расставаться. О том, что он может расстаться не только с диском, но и с жизнью, как-то в тот момент не думал совсем.

На опушке, у самого края, Петра встретила автоматная очередь. Полосонула снизу-вверх по животу, одна пуля попала в левое плечо. Его откинуло на спину. В горячке показалась, что его кто-то сильно ударил в живот, и от падения отказала рука. Он вскочил на ноги, в сильном возбуждении от боя, пока не понимая, что ранен и послал очередь куда-то туда в кусты, откуда стреляли по нему. Резкая боль пронзила плечо. Он схватился за него, слегка согнулся, поморщился. К нему подлетел Андрей.

– Что? – прокричал он.

– Что-то рука, левая отказала, – пожаловался Пётр.

– Ты в плечо ранен.

– Да, ну на фиг. Ерунда. Царапина.

Пётр сделал круговое движение левой рукой. На куртке выступила кровь.

– Да сядь, ты, мать твою. Не маши граблями, на фиг, не привлекай внимание.

Андрей из левого кармана куртки Петра достал два перевязочных пакета, помог ему забинтовать плечо, и они пошли дальше.

– Точно – царапина? – побеспокоился Андрей.

– Думаю – да, – уверил его Пётр.

За кустами на зелёной траве с вкраплениями опавших жёлтых листьев валялся убитый бандит.

– Смотри, Андрюх, я всё же достал его.

Десантная рота выбивала боевиков из «зелёнки». Там завязывались короткие перестрелки и рукопашные схватки. Бандиты прыгали из рощи с обрыва к реке и метались по берегу, огрызаясь из автоматов. Десантники отвечали тем же.

Пётр с Андреем залегли у обрыва, стреляя по мечущимся у Терека бандитам. Пётр вдруг как-то поскучнел, повернул к Андрею бледное лицо, пожаловался скучным голосом:

– Что-то я как-то устал, на фиг, ото всей этой беготни.

Андрей подполз к нему, заметил, что Петькина повязка на плече набухла от крови. Заметил он и чёрную лужу под животом. Перевернул товарища. На животе у того темнело мокрое пятно. Андрей свистнул, призывая санитара.

Санитар Витька Смирнов подполз, перевернул Петра, задрал куртку и тельняшку. Увидел на них бурые пятна крови. Вытащил каменный диск из-под брючного ремня, откинул его в сторону и стал перевязывать.

– Это что такое? – поинтересовался он, кивнув на диск. – Заражение может быть от этой грязи.

– Это моё, это трогать не надо, – забеспокоился Петька. – Дай сюда.

– Это новый модерновый бронежилет? А чего такой пыльный? Только что со склада? Ещё в смазке?

– Не смешно. Давай сюда

– Спокуха. Сейчас отдам. Не волнуйтесь вы так, больной. Вам вредно, – шутил санитар, перевязывая Петра, надеясь взбодрить раненого, но тот реагировал на шутки слабо.

Витька, закончил перевязывать, взял диск, повертел в руках, заметил свежие царапины, удивлённо свистнул.

– Ого. Похоже, эта штуковина тебе жизнь спасла, братуха. Бронежилет или нет, но функции бронежилета эта штука выполнила. Смотри, Андрюх, вот выщерблина от пули, вот ещё одна. А вот смотри, по бортику в центре скол, а на противоположенной стороне внутри отверстия – царапина. Как думаешь, где пуля?

– Ну? Не тяни, твою мать, Шерлок Холмс ты наш доморощенный.

– В животе у него. Причём попала туда на излёте, – при этих словах Витька осторожно пощупал Петькин живот. – Ну да. Вот она. А иначе у него все кишки были бы наружу.

– Повезло, – сказал Андрей, и они с Витькой уважительно посмотрели на Петра.

А тот, умоляюще, на них.

– На, держи, – сжалился Виктор и протянул ему диск.

Пётр схватил диск двумя руками и прижал к груди.

– Береги камушек, – продолжил Витька, – можешь даже на шею его привязать.

– И в Терек, – сказал Андрей, и они с Витькой заржали.

– Идиоты, – слабо улыбнулся Пётр, – человек при смерти,

а они ржут. Им всё хихоньки, да хаханьки. Где мой «почётный эскорт»?

– Сейчас будет, – успокоил санитар.

Бой на берегу Терека затихал. Бандитов добивали.

Завтра федеральные войска перейдут Терек и двинут на Грозный. Но Пётр Иванов узнает об этом уже после. В этот день к вечеру его эвакуировали в тыл, в госпиталь вместе с каменным диском. С ним он, даже теряя сознание, отказался расставаться. Расстался он с ним в госпитале у операционного блока, перед самой операцией. Врач и медсестра пообещали ему, что вернут диск после операции, сразу же, как он придёт в себя. И только тогда Пётр отдал диск, жалобно проводив его глазами.

Пулю из плеча ему вынули без проблем. А вот вторая пуля хотя и не глубоко вошла в тело Петра, ничего не повредив в животе, но туда попала кровь, и в брюшной полости начался перитонит. Врачам пришлось повозиться.

Очнувшись в палате реанимации, после операции, первое, что он сказал: «Где камень?»

Медсестра его утешила:

– Здесь твой камушек, здесь. Мы подумали, вот ты очнёшься после операции и спросишь: «Где мой камень?», а мы его выкинули. И у тебя инфаркт миокарда. Вот такой рубец, – медсестра показала руками, какой рубец, – и ты бы помер и испортил бы нам все показатели. Так что сохранили мы его, тем более он тебе, как говорят, жизнь спас.

Она смотрела на него и улыбалась.

– Какая же ты ласковая, сестричка, и заботливая, – поблагодарил её Петя сквозь пелену нестерпимой боли. – Я так понимаю, в медицине вы все юмористы.

– А как ты думал?

– Обезболивающий, когда уколешь?

– Рано ещё. Я не могу тебе колоть каждые два часа. Терпи, казак, атаманом будешь.

Пётр кивнул и закрыл глаза. Приходилось терпеть.

Днём ему стало казаться, что какая-то тёплая, мягкая, душная, чёрная масса, типа поролона, засасывает его вниз. Он понимал: как только она сомкнётся над ним, он уйдёт из этого мира. Пётр туманным сознанием безразлично подумал: «Ну и пусть». Но тут он услышал, как в окно барабанит осенний дождь. В голове ворочались тяжёлые мысли, что дождь он больше не услышит и не увидит и диск другу Афоне не отдаст. Представилось, что Афоня качает головой и говорит с укоризной и досадой: «Ну, что же ты, Петя.». Стало как-то обидно за всё. Погружаться в эту чёрную массу не захотелось. Захотелось свежего воздуха, дождя, жизни. И чёрная масса стала выталкивать его. Пётр открыл глаза, пощупал рукой, убедился, что он на больничной койке, улыбнулся, повернулся к окну. Сквозь струи дождя в окно светило осеннее солнце, улыбаясь ему в ответ.

Кризис миновал. Пётр стал выздоравливать.

Через два дня его перевели в общую палату. Попутно ока-

залось, что Пётр бросил курить: в реанимации было нельзя, а в общей палате как-то не потянуло. И он решил: «Не фига ерундой заниматься. Поберегу дыхалку и деньги».

В палате Пётр опять вспомнил о своём камне. Ему его принесли, чтобы он не волновался. Перед этим диск тщательно помыли и, даже, протёрли спиртом для дезинфекции.

– А зачем он тебе? – спросила медсестра.

– Зачем? Чтоб не пропал. А, вообще, друг у меня в Москве. Историк. В аспирантуре учится. Я вот в армию, потом сверхсрочная, а он в МГУ, потом аспирантура.

– Ботаник?

– Нет, историк. Афонька Крыков. Занимается кочевниками южнорусских степей. (А, южнорусские степи все на Украине). Ну и на байдарках ходит, боксом занимался, теперь, правда бросил, некогда ему. Так что друг у меня далеко не ботан.

– Надо же. И зачем же эта штука ему?

– Как зачем? Может там такое понаписано. Историческая сенсация. Может быть, это открытие мирового масштаба. И мы с ним прославимся на весь мир.

– Лежи уж открывальщик. Конечно, прославитесь. И, если хочешь, давай адрес твоего друга, отправлю я твой камушек в Москву. Имя у него какое-то знакомое, – наморщила лоб медсестра.

– Да это отец его по какому-то фильму назвал. Всё говорил: «Афонька Крыков им покажет».

– А… «Россия молодая»? Точно.

– Не знаю, я не смотрел, – отмахнулся Пётр, – а диск, выйду отсюда, сам отправлю. Спасибо за беспокойство, сестрёнка.

Диск он держал под подушкой, когда спал. В остальное время Пётр любовался им, демонстрируя всей палате.

Диск был сделан из какого-то мягкого желто-серого камня. На нём, чем-то острым с двух сторон, аккуратно вырезаны странные буквы, потёртые временем, но более или менее читаемые. Во всём остальном сохранился хорошо, если не считать двух выщерблин от пуль и царапин в центральном отверстии диска.

В палате шли разговоры: настоящие это надписи или это фальшивка, чья-то глупая шутка, кто такие хазары и что они тут делали?

Петька рассказывал всё, что знал. Читал Пушкина про Олега (медсестра принесла из дома томик поэта), который собирался «отомстить неразумным хазарам» (это в палате пользовалось успехом, вызывая детский восторг: «значить, тут наши предки и до нас кого-то мочили»), но знал он всё же катастрофически мало, но больше, чем все остальные, сказалось влияние друга-историка. Хотя он как мог, рассказал о князе Святославе, о том, как он разгромил хазарский каганат, а, попутно, и что такое каганат. Все очень живо представили себе, как княжеские дружины вылетали из степи на хазар, оттуда же, откуда и они на боевиков, как горел хазар-

ский город и как, наверное, хазары отступали к Тереку.

Петру так и представлялось: дружинники в сверкающих серебром доспехах на гнедых конях, а впереди князь в красном плаще на серой в яблоках лошади. И блестят на солнце клинки и бегут к Тереку хазары с искажёнными от страха лицами.

Правда, позже, когда Пётр в письме к своему другу – историку поделился своим восторгом, тот в ответном письме разрушил этот светлый образ великого князя киевского. Он написал, что дружина Святослава процентов на семьдесят состояла из варягов племени русь, а русы – варяги, это те же викинги и им привычней держать в руках весло, а не уздечку. И, даже есть упоминания в различных исторических источниках, что на скандинавском языке князя его варяжская дружина звала Свен, то есть швед. А имя Святослав, это точный перевод на славянский язык имени Олег, что значить – святой человек. Слав – это не слава, как многие думают, а человек (так считает одна его знакомая, тоже историк, очень умная и красивая). Отсюда название славян, дословно – говорящие. Люди, одним словом. Так вот, они шли на ладьях сначала по Двине, из неё перетащили ладьи в Угру. Река Угра впадает в Оку, а Ока, естественно в Волгу, которая тогда называлась Итиль. И Святослав, как великий полководец, зашёл хазарам в тыл. Была битва у стен хазарской столицы. Хазары были разбиты. Вернее, не сами хазары. Сами хазары не воевали. За них это делали иноплеменные наёмники – те

же варяги, славяне или ясы с касогами. Причём, что самое интересное, наёмникам платили только за победу. За поражение их наказывали – казнили всех поголовно. После победы у хазарской столицы, Святослав, скорее всего не встречал больше сопротивления. И напал он на город, где найден диск со стороны Терека, подойдя к нему на челнах. Головорезам Святослава, вряд ли кто оказал серьёзное сопротивление. Город был взят, разграблен и разрушен.

Но всего этого Пётр ещё не знал и с блеском в глазах рассказывал, что знал про раннюю историю родной страны. Раненные удивлялись: почему это они раньше так не любили эту науку? Ведь это так интересно.

После выписки, перед отбытием в санаторий на реабилитацию, каменный диск с письменами и письмом о приключениях владельца, месте и обстоятельствах находки был отправлен в Москву, другу Афанасию.

После реабилитации, через месяц, после выписки из госпиталя, Пётр Алексеевич Иванов опять воевал в своей родной роте, добивая в горах остатки бандитских формирований. Всю зиму опять грязь, кровь и, естественно, адреналин. Масса приключений, впечатлений и всяких интересных случаев, как смешных, так и грустных. И самое тяжёлое и горькое, это потеря боевых товарищей.

Отбыл он по месту жительства, то есть в Москву, только после окончания контракта летом следующего года.

Глава вторая

– Муса, Муса, дорогой, – радостно хлопал по плечам своего гостя полевой командир по имени Исбахан. – Как узнал, где мы?

Муса, мужчина лет тридцати пяти – сорока крепкого телосложения, коренастый, среднего роста, круглолицый, с чёрной аккуратно постриженной бородой и такими же усами. Одет он был в камуфляжную форму. На голове красовалась зелёная, видавшая виды, выгоревшая на солнце, панама пограничника. На ногах новенькие чёрные берцы. Он неуклюжим медведем топтался в объятиях полевого командира, чувствовалось, что это сильный и физически и морально, уверенный в себе человек, знающий, чего хочет от жизни и довольно таки умный, явно был смущён таким бурным приёмом.

Исбахан тоже был в камуфляжной форме, зелёной бандане, более худой, чем Муса, жилистый, с менее ухоженными бородой и усами. Взгляд светился умом и хитростью. Он был ровесником Мусы.

Характеры их были разные.

Муса был эмоциональным, горячим кавказским горцем. Хотя он и знал, что хочет от жизни, но эмоции иногда заносили его в сторону. Что бы сдерживать себя и выглядеть

хладнокровным и рассудительным, требовались усилия.

Исбахан же напротив, был хладнокровным, начисто лишённым эмоций и где-то даже циничным человеком. Он не верил ни в какую Великую Ичкерию, просто понял, что в мутной воде перестройки можно ловить большую рыбу и набить карманы зелёными американскими купюрами.

– Как откуда узнал? Тётя Фатима сказала? То есть, твоя мама? Мать знает, где её сын.

– Э-э… – взмахнул не довольно рукой Исбахан.

– Она не кому-то там сказала, слушай, она мне сказала.

Говорили они, естественно, по-русски, так как Исбахан был чеченец, а его гость – балкарец и языка друг друга они не знали. Зато друг друга они знали давно. Даже не так. Дружили их деды и их отцы. А вот они, не сказать, что дружили, но были в довольно-таки в приятельских отношениях. Когда-то давно их деды, а потом и отцы, сдружились в Казахстане. И после возвращения из ссылки продолжали общаться: ездили отдыхать, то на Чёрное море, то на Каспийское и в гости ездили по очереди, то в Чечено-Ингушетию, то в Кабардино-Балкарию. Короче, дружили семьями.

После взаимных приветствий, Исбахан пригласил Мусу за стол, где они ели, пили чай, говорили о том, о сём. Наконец настал момент, когда полевой командир понял, что балкарец хочет сказать то, ради чего он приехал. Он вопросительно посмотрел на своего гостя:

– Ну?

– Лучше не здесь. Деревья имеют глаза, а листья уши.

– Мудро, – согласился чеченец, – тогда, пойдём, погуляем.

Они вышли из землянки и направились к скале, которая возвышалась над лагерем. Забраться на неё оказалось легче лёгкого. Это оказалась не скала, а обрыв горного кряжа. Лагерь боевиков, их землянки, располагался в долине под этим обрывом.

– Устраивает? – поинтересовался полевой командир, устраиваясь на камнях.

– Вполне, – согласился с ним Муса.

– Говори.

– В Дагестан ходил? – спросил Муса для затравки разговора.

– Зачем? – удивился Исбахан. – Опоздал я. По официальной версии, конечно.

– А сам и с места не сдвинулся? Хитрый?

– Умный. Я офицер Советской Армии, я тактику-стратегию немного понимаю. Чечне блокаду сделали, как в кольцо зажали. Думаешь, случайно? Сомнительно. Куда пойдёт голодная армия? На прорыв. Думаешь, нас не ждали? А я думаю – ждали. Чечня не смогла бы выжить в кольце блокады. Куда-нибудь всё равно бы рванула.

– Это да. Но идея правильная была, – создать Кавказский Эмират.

– Идея была правильная, только надо было эту идею в прошлом веке ещё Шамилю делать. Когда на лошадях скака-

ли, да шашками махали. Сейчас вертолёты нужны, самолёты, танки. Кто будет этим всем управлять? Эти пастухи баранов, что ли танкисты? – Исбахан показал рукой в низ, на свой лагерь. – Вообще не надо было создавать Кавказский Эмират. Ельцин и так давал нам полную свободу. Надо было брать. Хватило бы нам и одной Великой Ичкерии. И с русскими дружить надо было. Или хотя бы делать вид, что мы их друзья. А что? Нефть есть, заводы есть. Русские на них работали. Что ещё надо? Если бы Дудаев умно подошёл к этому, то все чеченцы бы хорошо жили сейчас. Как в Арабских Эмиратах.

– А русские бы на вас работали, – задумчиво сказал Муса.

– И что? – возмутился чеченец. – Русские всегда на кого-нибудь работают.

– Правильно говоришь. Правильно. Но Дудаев был военным. Ему силу применять привычней. Он думал – отделится от России, нефть есть, арабским шейхом будет. А, как и кому, эту нефть продавать, как перевозить? На баранах что ли? Не подумал. Может он был и хороший «летун», но политик – никакой. Надо было с русскими договариваться. А не вырезать всё русское население. Теперь поздно.

– Правильно говоришь. Теперь поздно, понятное дело.

– Ты что дальше думаешь делать? – Муса испытующе посмотрел на Исбахана.

– Как что? – удивился тот. – Неверных убивать, пока за это деньги платят. Это мой бизнес. У меня ещё есть заводик

нефтеперегонный – бензин делаю.

– Наверное – уже нет.

– Нет, есть, до него русские ещё не добрались, но ты прав пора сворачивать. В Москве у меня есть фирма, авторемонтом занимается, на авторынке точки есть – автозапчастями торгую.

– Машины угоняешь на запчасти, – утвердительно сказал Муса.

– Не только на запчасти. Ты что-то, против имеешь?

– Нет, хороший бизнес. Только и здесь без русских обойтись не можем.

– Причём здесь русские? – удивился Исбахан. – Ты что думаешь – мои ребята по улицам там бегают, спрашивают: «Чья это машина? Кто хозяин? Ах, Ахмед, хозяин? Не будем угонять». Нет, какую надо – такую и угоняют. Русский, азербайджанец, армянин владелец – нам какая разница? Хоть чеченец.

– Я говорю, – без России обойтись не можем.

– У кого деньги есть – у того и берём, – безразлично пожал плечами Исбахан. – Были бы у грузин деньги – у них бы брали. Нам всё равно.

– Наберёшь деньги – потом что?

– В Турцию уеду. Возьму своих и уеду. Куплю там гостиницу, где-нибудь в Анталии и опять мне русские будут деньги привозить, – чеченец довольно засмеялся.

– А как же – воины Аллаха? Ваххабизм?

– Какие воины Аллаха? Какой ваххабизм? Думаешь, ваххабизм мне нравится – бороду носи, трусы – не носи. Ты, когда узнал, что ты мусульманин? В классе седьмом? Как и я? Нам тогда всё равно было – кто мусульманин, кто христианин. А теперь не всё равно. Мы против них воюем. У меня в бригаде и хохлы были и прибалты. Когда в бой шли все орали: «Аллах акбар», а нам в ответ: «Христос воскрес». А ведь там и мусульмане были, татары там или кто ещё. Просто мы так разделились. Не могу тебе всё это по-научному объяснить. Я говорю тебе – у меня бизнес. Это всё реклама. Мне люди нужны. Я же не могу им сказать: «Идите в бригаду к дяде Исбахану, ему деньги нужны, чтобы гостиницу в Анталии купить». Кто пойдёт? А так: «Бей неверных». И идут, правда, от денег не отказываются. И идейные то же есть, но мало. Сумасшедших везде хватает. Хотя многим просто воевать нравится. В крови это у чеченцев. Хотя и не у всех. Вот мой племянник Алим – ему ничего не надо. Его отец водил туристов по горам. Не будь этой заварухи и Алим бы туристов водил.

– Это всё лирика, – поморщился Муса. – Как деньги за границу переправишь?

– Есть каналы.

– Это хорошо, конечно, что есть каналы, а фанатизма нет, но плохо, с другой стороны, – задумчиво сказал балкарец, – а вот если бы была уверенность в победе. Когда в бой бы шли то знали бы, что точно победим. Хорошо бы было?

– Конечно. Кто уверен в победе, тот и побеждает, – согласился полевой командир.

– А будут победы, американцы бы нам и вертолёты, и танки бы подбросили, инструкторы бы появились, чтобы твоих пастухов научить воевать.

– Американцы – не знаю? Наверное, кто-то бы появился. Главное – деньги бы появились. К чему ты это говоришь?

– Есть мысль.

– Говори.

– Издалека начну.

– От Адама и Евы?

– Нет ближе. Слушай, не перебивай. Для начала, я хочу рассказать тебе про свой народ. Ты, знаешь, что я – балкарец. А, мы – балкарцы – потомки Великих Булгар.

– Э… Какое мне дело, чьи вы потомки? Ты ещё в детстве с этим носился: «Великие Булгары. Великие Булгары.»

– Имей терпение. Слушай. Чтобы всё было понятно. Мои предки – булгары владели всей этой землёй. От предгорий Кавказа на юге, до Дона на севере, от Каспия на востоке, до Азовского и Чёрного моря на западе. И, даже, ходили на Константинополь, который сейчас называется Стамбул. Было у нас воинское счастье до хана Кубрата. Его сыновья не сумели, договорится между собой и, Великая Булгария распалась. Младший сын Кубрата – хан Аспарух увёл свою орду за Дунай. Теперь эта страна называется Болгарией. Они потеряли свой язык, но сохранили родовое название. Средний

сын Кубрата – хан Котраг увёл своих людей на Дон, а его потомки ушли дальше, на Каму и там основали Волжскую Булгарию. Они сохранили свой язык, но получили от русских кличку – казанские татары. И только старший сын Кубрата – хан Батбай остался на родине. Оставшиеся отбивались от врагов, и все погибли, только самые храбрые ушли в горы. Вот от этих булгар произошли мы – балкарцы.

– И зачем ты мне это говоришь? – удивился Исбахан.– Зачем мне эта лекция по истории? Ты ещё в детстве мне этим надоел.

– Слушай дальше, – гнул свою линию балкарец. – Есть тайна, о которой знают только в моём роду. Я не горский князь, я уздень, дворянин по-русски. Эта тайна передаётся из рода в род, от отца к сыну. Когда-то очень и очень давно в предгорьях Урала был город Солнца. И туда с неба упал Всепобеждающий Меч Великого Солнца. И кто ему поклонится, тот не узнает поражений от врагов двенадцать лет. Этот меч существует.

– Ты шутишь? – заржал полевой командир, – Какой меч? Какой Урал? Там каждый камешек, каждый кустик известен.

– Нет. Всё не так. Были гунны, которые поклонялись Мечу. И они ходили воевать в Италию и Францию, но потом перестали поклоняться – и были разбиты. Потом были другие люди, и они не знали поражений, пока поклонялись Мечу. Но как только они забывали про Меч, они тут же бывали разбиты. Наконец, Меч попал к уграм и они его перенес-

ли из предгорий в горы Урала. И там он находится до сих пор. Мои предки – булгары дружили с уграми и знали, где находится Меч. Были специальные посланники, что-то типа жрецов, которые ездили поклоняться Мечу. Мой род ведёт своё начало от одного из этих посланников. И у нас из поколения в поколение передаются знание обрядов, которые надо совершить перед Мечом и дорогу к нему. Это Северный Урал, а там не так много народу живёт. Северный Кавказ гораздо многолюдней.

– Ну, если так, то это хорошая мысль. И ты считаешь, что этот меч есть в натуре? Или это красивая легенда? Надо твои слова записать и послать туда, – Исбахан показал пальцем куда-то в небо. – Там люди умные – пускай думают: как всё это раскрутить. Например, можно сказать, что это меч Аллаха или его пророка.

– Да. Записывать и отправлять туда пока ничего не надо. Повторяю – меч есть. Должен быть. И мы создадим Кавказский Эмират. От моря до моря. Мы, горцы, имеем на это право. Мы все потомки или булгар, или хазар, или половцев, которые владели не только горами, но и степью перед горами. Но, чтобы создать Эмират – нужна победа. Что бы все мусульмане Кавказа поверили в успех. Для этой цели что надо? Поднять боевой дух. Вот здесь и нужен Меч, который приносит победу. Заставить мусульман Кавказа поверить в победу. Поднимем Чечню, Ингушетию, Балкарию и других. И всё у нас будет.

Полевой командир задумчиво посмотрел на Мусу. Тот раскраснелся, размахался руками и говорил так убеждённо, что Исбахан был готов ему поверить.

«Что он всё-таки хочет? – думал полевой командир. – Не Кавказский же эмират, в самом деле. Это утопия. Как можно сделать эмират, если прямо посередине Кавказского хребта, живут православные осетины. А они от Москвы ни за что не окажутся. Никакой меч не поможет. Надо сидеть тихо и не высовываться, и воевать, пока платят и пока есть возможность, зарабатывать на этом деньги. С другой стороны, если меч позволит продлить войну, значить и оплата продлиться».

Он воевал спустя рукава. Пока платят – воевал. Нападал в основном на колонны автомашин с продовольствием, с оружием. Лучше – с продовольствием. Продать его в голодной Чечне – милое дело. Да и в России проблем не будет на любом продуктовом рынке, любого города России. С оружием – хуже, возни много, зато, правда, прибыльней. Оружие, слава Аллаху, требуется не только в Чечне, но и в остальной России тоже. Свои нападения на автоколонны он снимал двумя – тремя видеокамерами с разных точек. Потом монтировал. Для этой цели ноутбук приобрёл. Деньги большие, но он того стоил. А погоны покупал где-нибудь в Москве, в военторге. Старил их искусственно: замачивал в воде, валял в грязи, высушивал на солнце. И высылал своим работодателям. Прокатывало. Доллары высылали регулярно. Правда, фаль-

шивые. Но ничего. Он умел превращать фальшивые доллары в настоящие. Своим бойцам платил настоящими, не обижал. Все были довольны. Даже этот Хусейн из Йемена, что приезжал к нему повоевать на каникулы. Ну и денежку, естественно, заработать. И он его не обижал, платил, как положено. И тот довольный уезжал в Москву, в МГУ, учится на журналиста. Он даже на зимние каникулы приезжал. Приезжали и другие из Западной Украины, Прибалтики, но всех этих националистов и русофобов он не любил и отсылал к другим более фанатичным, а, значить, более безголовым полевым командирам. Для него война была средством наживы, а на российских солдат он смотрел как на источник своего дохода, не более, что-то типа баранов. Цинично? Да. Исбахан был хорошим бизнесменом.

– Мне всё – не надо. Много будет, – вяло сказал чеченец. – Что сам хочешь? Что мне предложишь? Говори.

– Ты будешь – глава всех вооружённых сил Кавказа. Я хочу быть эмиром всего Кавказа.

– Аппетит хороший у тебя, – усмехнулся полевой командир.

– Не жалуюсь, – отбил Муса, улыбаясь, и более миролюбиво продолжил. – Не обижайся, пожалуйста. Ты хороший командир, но что ты понимаешь в политики? Ну, завоюем мы Кавказ, а дальше что?

– А дальше видно будет. Может быть, под давлением Запада Кавказ сможем от России отделить. Под Запад русские

прогибаются, даже мне противно. Как нас тогда из Германии, из тёплых казарм, в чистое поле под Псков, осенью… Обидно. Самые большие враги русских – сами русские. Россию победить невозможно. Не кому. Разве, что только Китай? Но у него армия, как и всё остальное – китайская.

– А американцы?

– Какие из американцев вояки? – презрительно сплюнул Исбахан. – Своей тени боятся. Разве что турки под свою руку всех мусульман-суннитов объединят? Ладно, это всё мечты, лирика, как ты говоришь. К делу. Надо будет этот обряд на видеокамеру записать, а ещё лучше – меч сюда привести.

– Это как получится.

– Что нет меча?

– Есть. Но есть и различные трудности, в частности с перевозом.

– Тогда надо, чтобы получилось. Как хочешь действовать?

– Пойти на Урал, добыть Меч. Мне нужен твой родственник, любой. Для обряда.

– Зарежешь?

– Шутишь?

– Зачем?

– Нет, никто никого резать не будет. У Меча победу должен просить или сам полководец, или его родственник. Лучше всего сын сестры.

– Во, как раз я его и хотел с тобой послать, своего племянника Алима, толку от него здесь всё равно никакого. Я

про него тебе уже говорил. Да мать его, мою сестру, ты знаешь. Пускай, лучше меч поищет. Хоть какая-то польза. Только как ты найдёшь этот меч? Неужели за тысячу лет ничего не поменялось?

– Поменялось, конечно, но не так, чтобы найти было нельзя. На том утёсе, где находится пещера с Мечом, должны расти три берёзы. Думаю, тех берёз давно уж нет, или, на их месте целая берёзовая роща растёт. Но сам- то утёс на месте, и пещера в нём. В нашей семье передаётся путь в конных переходах и в днях пути, в каких местах делать стоянки, какие приметы этих стоянок. Ещё в молодости, частично я это проверил, до Урала, правда, не добрался, но приметы стоянок более или менее совпадают с нашим семейным преданием. Если начало пути сходится, то и конец пути сойдётся.

И Муса начал в подробностях описывать дорогу до пещеры, где находится Всепобеждающий Меч Солнца.

– Хорошо, – сказал Исбахан, – зачем ты мне этот путь говоришь, не знаю.

– Что бы знал, где искать, если что.

– Ладно. Оружие возьмёшь?

– Зачем? Мы же не воевать идём. Для начала, пусть твой племянник у меня погостит, отмоется, отъестся, что бы было не похоже, что он с гор спустился. Соберём снаряжение и, через месяц, рванём на Урал.

– Хорошо. Пусть так и будет. Пойдём вниз, с племянником познакомлю. Я вот думаю: почему твои предки Шамилю

про меч не сказали?

– Говорили. Но он правоверный мусульманин, имам. Сказал: «На всё воля Аллаха».

– Святой был человек.

– И благородный.

И они пошли по тропинке вниз к лагерю боевиков Исбахана.

Глава третья

В Москве лето, конец июля. Мирный город. Петру Иванову было как-то странно думать, что в горах Чечни идут бои, федеральные войска добивают банды боевиков. Война кончилась, но идут спецоперации и всё равно, наверное, гибнут молодые пацаны. Теракт вот недавно был. А здесь всё тихо, воробьи чирикают. Удивительно.

Он о себе заметил, что нет у него никакого «афганского» или «чеченского» синдрома. Он не завидовал мирным жителям, не жалел себя, что он был на войне, а они тут в тылу наслаждались жизнью. Наоборот, там была настоящая жизнь. Ему было жалко расставаться со своими боевыми товарищами, он скучал по походному быту, даже по полевой кухне с её неизменной перловкой и тушёнкой. Это как в детстве: в пионерский лагерь не охота ехать и из лагеря не охота уезжать. Короче – воевать ему нравилось. И Пётр бы остался в армии, если бы не маленькая для москвича зарплата.

Хорошо, всё же дома, на гражданке.

Он шёл к своему другу и ровеснику Афанасию Крыкову, с которым, конечно, созванивался по телефону, но, увидится, всё было как-то некогда. Кабаки, девочки. Пить не любил и не умел, но здесь в Москве пришлось притворяться, что любит и умеет. А иначе как девочку на ночь снять. Девочки

глупы, подумают, что он слабак. Вообще, он заметил, что на войне любители выпить, долго не жили. И пили, наверное, от страха. Ему это как-то не требовалось, возбуждение после боя проходило как-то, само собой. Да и перед боем он не нервничал. А вот перед знакомством с девушкой – очень даже. Тяжело ему было, завязать знакомство, набиться к ней домой, раздеться перед почти незнакомым человеком, лечь в кровать, начать этим заниматься, нет, в атаку подняться, под пули, куда как легче.

И вот наконец-то вырвался к Афоне.

Тот наслаждался свободой и независимостью в двухкомнатной квартире. Ему её оставили родители, в надежде, что Афоня женится, родит ребёнка и двухкомнатная квартира будет в самый раз. Сами же родители с четырнадцатилетним братом Афони перебрались в другую двухкомнатную квартиру на соседней улице. Эта квартира, в свою очередь, досталась им от матери его матери, то есть от бабушки Афанасия. В маленькой комнате, своей квартиры, он устроил рабочий кабинет. Там стояли шкафы, набитые книгами, диван, где спал хозяин и письменный стол. На письменном столе, свидетельствовал о крутости владельца компьютер. Другая комната – большая, открывалась редко. А крутость, на самом деле, была у папы Афанасия, предпринимателя, владельца небольшой торговой фирмы. Деньги у аспиранта, понятное дело, тоже были. Папины деньги. Такова жизнь. А иначе не было бы аспиранта, а был бы менеджер в торговой фирме,

как думал его папа. Отец Афанасия надеялся, что другой сын, когда вырастет, пойдёт по его стопам и вроде как надежды эти оправдывались. А занятия своего старшего сына он не одобрял – тем, что не приносит деньги заниматься не надо. Хотя тайно, в глубине души гордился сыном и верил, что он будет большим учёным.

Афоня мог делать в своей квартире всё что угодно – устраивать вечеринки, водить девушек, но он как раз этого и не делал, так как был увлечён наукой, в отличие от Петра, который рад бы был водить девушек и устраивать попойки. Шумные компании он не любил, но, что делать? Это была суровая необходимость. Иначе соблазнить девиц лёгкого поведения было бы нелегко. Охота пуще неволи.

Но было негде этим заниматься, он жил в двухкомнатной квартире с родителями. Бодливой корове Бог рогов не дал.

Два друга были абсолютно разными по характеру, полными противоположностями друг другу. И в этом было их единство. Борьбы и соперничества между ними не было – Пётр признавал авторитет Афанасия. Единственным их сходством было то, что по жизни они занимались любимым делом, не смотря не на что. Петру понравилось воевать и, выйдя на гражданку, он вряд ли на этом успокоится – он пойдёт служить в ОМОН, в ФСБ или в спецназ – он потом определиться. Афанасий занимался своей любимой истории абсолютно бесплатно, так как то, что ему платили в аспирантуре – были не деньги. Хотя он ей бы занимался и

без денег, в смысле, без финансовой помощи отца. Как-нибудь выкрутился бы. Началось всё с любви к чтению исторических романов, а кончилось – историческим факультетом МГУ. Читал он запоем. Ясное дело, что любимым романом была «Россия молодая» Юрия Германа. Читал он её несколько раз, а любимым героем был, естественно, поручик Афанасий Петрович Крыков. Афоня в юности (лет в четырнадцать) даже плакал, жалея о гибели своего тёзки и однофамильца. Потом, углублённо изучая историю, он обнаружил, что в исторических книгах не всё, как оказалась, правда. Собственно, истины там не так много – так, общая канва, на фоне которой действуют главные герои. Так в любимой рок-опере «Юнона и Авось» правдой оказались лишь имена главных героев да названия кораблей, и то, что граф Резанов действительно был в Сан-Франциско, переспал там с дочерью губернатора и погиб в Сибири – разбился, упав на полном скаку с лошади под Красноярском, приложившись головой о камень. Всё остальное было прекрасной выдумкой автора – гимн любви, которой в действительности не было, что очень огорчало Афанасия. «Что ж тут удивительного – сказал профессор Богуславский, его куратор, после того, как Афанасий пожаловался ему на это, – это же художественное произведение. Хуже она от этого не стала. Это видение художника или политическая конъюнктура, или и то и другое вместе. Там и не должно быть всё правдой. Ну, кто будет пытаться свести Америку и Россию, приехав для этой цели с

Аляски, из Ново-Архангельска в Калифорнию, в Сан-Франциско? Надо было из России в Испанию, из Санкт-Петербурга в Мадрид. Нельзя же изучать историю Франции, к примеру, по романам Дюма». В дальнейшем, Афоня стал с пеной у рта, отстаивал историческую правду перед любой аудиторией, будь то один человек или несколько. Не всегда ему верили – очень сильны были устоявшиеся стереотипы. Но он считал, что и один в поле воин и отстаивал истину как мог.

Пётр, конечно, тоже читал, но больше любил играть в войну (в детстве) или в футбол (в юности). Афанасий же любил не только исторические романы, но и поэзию, особенно Лермонтова, знал Есенина. Пушкин ему не очень нравился, но он грозился к пенсии выучить «Евгения Онегина» наизусть, правда, непонятно зачем. К двадцати пяти же годам он знал наизусть главу из «Песнь о Гайавате» Генри Лонгфелло, тоже не понятно – зачем. Это не самая популярная поэма в России. Между тем, Афанасий не был типичным «ботаником». Парнем он был довольно таки энергичным: занимался боксом какое-то время, на байдарке излазил всё Подмосковье, ходили с Петькой перед армией, на катамаране по Карелии. И после всё это не забрасывал – чередовал умственный труд с активным отдыхом.

– Ну, Афонька, разгадал надпись на камне? – чуть ли не с порога крикнул Петя.

– Разгадал, чего орёшь та. Здорово, воин, – Иванова встретил светловолосый, сероглазый парень одного роста с

Петром.

– Здорово.

– Чего там было разгадывать? Не бином Ньютона. Только перевести. Если ты думал, что там письмена майя, то ты ошибаешься.

– То есть это не письменность майя? А то я было надеялся. Правда, мы были не в Андах, а на Кавказе, но всякое бывает.

– Майя жили и живут на полуострове Юкатан, – рявкнул Афанасий. – И горы видели только издалека. Вернее, вначале они спустились с гор, а потом туда вернулись.

– Не фига себе? – удивился Петька.

– Да. И что за манера, сразу с порога орать. Нет бы, спросить: как у меня дела, может быть, я женился.

– Ну, ты же не женился не фига, – удивился Пётр.

– Ну, всё равно, спросить то можно, – возмутился Афоня.

– Ну, хорошо. Ты женился?

– Нет.

– А Наташа Рябикова, – ехидно улыбаясь, спросил Петя, – написала в журнале о том, что Святослав – это святой человек, а Ярослав, это человек Ярилы?

– Написала в «Науку и жизнь», – буркнул Афанасий.

– Читал. А замуж она не вышла?

– Выйдет через две недели, – упавшим голосом сообщил Афоня.

– Извини.

Петру жалко стало друга и стыдно за свой бестактный во-

прос. Он помнил, как восторженно писал об этой девушке Афанасий в каждом письме. А потом, в декабре прошлого года, вдруг резко всё это оборвалось. Пётр не спрашивал – почему? Зачем ковыряться в душевной ране товарища? Захочет – сам расскажет. Наверное, появление диска он воспринял с радостью. Переводил с охотой – лишь бы забыться и не думать о ней.

– Да ладно, проехали, – подавленно сказал Афоня.

– А что тогда голову морочишь? – хлопнул друга по плечу Пётр и попробовал улыбнуться. – Женился – не женился. Не журись, хлопче. Рассказывай лучше, что за письмена?

– На древнееврейском.

– Ты у нас древней еврей, или, просто еврей? – глупо острил Пётр.

– Я, у нас, будущее мировое светило исторической науки, – поднял указательный палец вверх, улыбаясь, Афанасий.

– О как.

– Да. Но, повозится, пришлось. Но текст этот я всё-таки осилил.

– Не тяни. Резинщик.

– Да ты проходи. Или тебе в коридоре всё рассказывать.

Пётр достал из пакета водку, купленную по дороге, спросил:

– Закусь найдётся?

– Обижаешь. Хотя, конечно, я тебя должен водкой встре-

чать.

– Сочтёмся.

Они пошли на кухню, поставили на стол бутылку водки. Афоня достал стеклянные тридцатиграммовые стопки под водку и немудрёную закуску: колбасу, хлеб, помидоры, огурцы. Выпили, закусили, помолчали.

– Ну, рассказывай, – сказал Афоня, – что там в Чечне?

– А ты новости не смотришь? – удивился Петька. – Хрен с ней с Чечнёй, ты про камень рассказывай.

– А что камень? Камень древний, века десятого, или девятого, а, может и восьмого.

– Как всё определённо.

– Да. Всё определённо, – не понял Петькиного сарказма Афанасий. – То хазарское городище, у которого ты его нашёл, датируется, максимум восьмым веком, это, во-первых, а во-вторых, в восьмом веке хазары приняли иудаизм, в середине десятого века их Святослав Игоревич разгромил. Отсюда вывод, что надпись сделана не раньше восьмого века и не позже десятого.

– Хазары были евреями?

– Нет, конечно. Но евреи в Хазарском Каганате были правящей верхушкой. А собственно хазары верили во что угодно, признавали они и иудаизм, но и своих старых богов не забывали. Тот, кто оставил надпись на камне по этому поводу, как раз и возмущается. Камень, кстати, древнее надписи, надпись появилась позднее, на нём что-то было напи-

сано или нарисовано, потом это стёрли и написали на древнееврейским. Вот что примерно написано на камне, не дословно, конечно, да дословно я и не перевёл бы. Очень тяжёлый язык. Гласных нет, многие слова – понимай, как хочешь, а на сто процентов я языка не знаю, не мой профиль. Так вот, тот, кто писал, возмущается, что хазары не исповедают истиной веры, многие даже приняли веру врагов: арабов и греков. Другие сохранили свою старую веру в языческих богов, особенно булгарские и савирские роды, перед войной устраивают пляски у костров в голом виде с саблями. А перед большой войной посылают своих людей к уграм, с которыми они дружны, поклонятся Всепобеждающему Мечу Великого Солнца, который якобы дарует им победу.

– Танцы в голом виде с саблями, зрелище, наверное, не для слабонервных.

– Не знаю, видеть как-то не приходилось. Дальше он пишет об этом самом мече, что, где-то в предгорьях Каменного пояса, то есть Урала, давным-давно находился город Солнца. И туда упал с неба этот меч, и кто ему поклоняется, тот не знает поражений двенадцать лет. Им владели гунны, достопочтимые предки хазар, как он говорит, потом этим мечем, завладели угры…

– Угры – это кто? – поинтересовался Пётр.

– Это предки венгров, хантов, манси и других. Они в своё время ходили в набеги грабить Европу, аж до Парижа и так зашугали местное население, что те даже придумали сказки

о страшных великанов и людоедов – огров. Это отголосок тех событий.

– Это что ж наши манси ходили грабить Париж?

– Не наши манси, а предки манси, хантов и, главным образом, венгров ходили грабить эту деревушку по названию Париж. Что там было грабить. Нищета. То ли дело Рим. Вот там они поживились. Есть предположение, что своего идола, которого русские звали «Золотая баба» они увели именно оттуда. Это золотая статуя какой-то римской богини. Её до сих пор не нашли. Но она была, это точно, и, даже наверняка – есть. Хотя это совсем другая история. Ну, слушай про меч. Эти угры утащили его далеко на север, в свои горы и там, в пещере его спрятали.

– Ох, уж эти угры, всё бы им чегой-то утащить.

– Да. Так вот. Дальше идет подробное описание, как добраться до этой пещеры, а, так же пожелание, что бы какой-нибудь правоверный богатырь добрался до этого меча и уничтожил его, а заодно уж и выгнал бы всех мусульман и христиан из хазарских городов.

– Какой гад. – с чувством сказал Пётр, – как думаешь: добрались до меча?

– Не знаю, – пожал плечами Афанасий. – Но, по крайней мере, мусульман и христиан из их городов никто не выгонял. Их потом Святослав разогнал, предварительно ограбив. Отомстил за батю своего – Игоря, который дань хазарскую собирал. На чём и погорел. Убили его древляне. Я имею в виду

Игоря. А, вообще, впечатление, что это писал сумасшедший или очень эмоциональный человек. Ведь иудейство передаётся половым путём. Чего ты ржёшь? Правда. Иудеем может стать только сын еврейки, причём кто отец никакого значения не имеет. И как он собирался обратить в иудаизм всех этих хазар, булгар и так далее? Не понятно.

– Хрен с ним. Что за город Солнца такой?

– Ты знаешь, в восемьдесят каком-то году (восемьдесят седьмом, если мне не изменяет память) под Челябинском раскопали древнее поселение, круглое в плане, и дали ему романтическое название Аркаим, что, как я понимаю, если, конечно, не ошибаюсь, в переводе с башкирского означает – предгорье.

– И что тут романтического?

– Звучит по-русски красиво – АР-КА-ИМ, – выговорил по слогам с пафосом Афоня.

– Значить это меч Аркаима.? Он оттуда?

– Может и оттуда. Там потом много подобных поселений раскопали, но таблички с названием этого поселения нигде не нашли, к сожалению. Да и поселения эти, если быть кристально честным, очень похожи на обыкновенные зимние становища кочевников, внутрь скот загоняли, в помещениях по краям сами жили. Но звучит красиво – Меч Аркаима. Романтика, – опять с пафосом сказал Афоня и продолжил, – кстати, правильней меч из Аркаима, но созвучие – Меч Аркаима мне нравиться больше. Аркаим, это поселение андро-

новской культуры, которая зародилась в Приуралье в конце третьего тысячелетия до нашей эры. Есть предположение, что это были индоиранцы. Которые через тысячу лет добрались до будущего Ирана, захватили его, какое-то время там жили, а потом разделились, и часть из них ушла в Индию.

– Как же тогда они оказались болгарами?

– Значить не все ушли. Ты что думаешь, что все те люди, которые жили на этой равнине со времён последнего оледенения, вымерли? А потом здесь как-то материализовались русские? Нет. Сначала они стали балтами, как племя голядь, эти жили вплоть до нынешней Брянской области, или финнами, как меря, мурома, мещера и прочие. А потом все они стали русскими. Так что, никто никуда не исчезал, и, тем более, не вымирал. Мы все корнями уходим в эту землю, на многие тысячелетия. А где Аркаим, там, предположительно, прародина скифов. Их кровь то же в русских жилах течёт, немного, но течёт. Между прочим, это их идея покланяться мечу. Акинак у них меч назывался. Так что всё логично, какое-то племя держало поселение, где хранился меч, дающий победу. Кто на них нападёт с такой реликвией? А они, наверное, плату брали за поклонение.

– Ну, это, само собой.

– Вот. А сами они, только меняли язык и название. Сначала были скифами, потом савроматами, потом гунны, сбежав из Китая, там обосновались. Гунны были солнцепоклонниками. Они, наверное, и дали название – Всепобеждаю-

щий Меч Великого Солнца. Болгары, савиры и многие другие тюркские племена считают себя потомками гуннов. Да и хазары то же, как написано на этом диске. К чужой славе каждый рад примазаться.

– Но, наверное, их всё-таки кто-то тронул?

– Разумеется, если они перенесли меч далеко на север.

– А дорога на этот север? Посмотрел, как туда добраться?

– До меча? Ну, более ли менее. Адрес почти точный, индекс, правда, не указал, но телеграмму можно туда отправить: «Высылайте мечи бочками». За Чёрной рекой, за Белым камнем. А ты что туда собрался?

– А почему бы нет? Тебе разве не интересно?

– Да ну. Глушь такая. Добираться – с ума сойдёшь. Два лаптя по карте. Или четыре дня на собаках или два дня на оленях.

– Шутишь? А я серьёзно. Давай смотаемся.

– А зачем? Ну, допустим, найдём мы эту железяку, ну подтвердим, что твой камень не врёт и какие-то племена хазар поклонялись мечу как Богу Войны. Так это и так ясно, до них и скифы такому мечу поклонялись. Впрочем, – нахмурил брови Афанасий, – я это уже говорил. Что это даст науке? Ещё один бронзовый меч?

– Почему бронзовый?

– А какой? Если скифский, то наверняка бронзовый.

– А это ближе к металлолому, чем к исторической находки?

– Да.

– А тебе обязательно надо прославиться? – продолжал язвить Пётр.

– Да, – честно ответил Афанасий.

– Мне тоже хотелось бы, – вздохнул Петя.

– Орденов и медалей – мало?

– Маловато будет. А в музеи мой камень выставляться будет? С табличкой, мол, этот каменный диск с письменами нашёл Пётр Алексеевич Иванов в 1999 году.

– А расшифровал его Афанасий Алексеевич Крыков. Да?

– Да.

– Губы закатай. В запасниках он. Думаешь Исторический музей резиновый? Хотя такая надпись к нему прилагается: когда, где и при каких обстоятельствах и кто нашёл сей артефакт, и, естественно, кто его перевёл на русский язык. А как ты хотел? У нас всё строго. Мы с тобой по любому вошли в историю. Может быть, когда и выставят где-нибудь в каком-нибудь местом музее этот диск, если до этого времени его не потеряют или не продадут в какую-нибудь частную коллекцию. Такое, к сожалению, случается.

– Так ты его отдал? На фига?

– Ну, я же честный человек.

– Да… жаль… Лучше бы ты был не честным.

– Чем это лучше? – удивился Афоня. – А зачем он тебе?

– Во-первых, он мне жизнь спас. Видел две выщерблины на диске? Вот. А не он бы – мне все кишки бы наружу выпу-

стили, и остались бы от Петра Иванова одни воспоминания, мама с папой огорчились бы, я думаю. А, во-вторых, хотелось сфоткаться с ним.

– Ну, извини.

– Ладно, фиг с ним, проехали.

– Давай выпьем, что ли – предложил Афанасий.

– Да обожди ты выпить. Успеем, алкаш хренов. Мне интересно: как это балты с таким неприличным именем …

– Почему не приличным?

– Ну, как ты их назвал?

– Голядь.

– Ну? Подставь буковку Б, вместо Г и О.

– Странные у тебя эротические фантазии, дорогой товарищ. Я как-то это не заметил. В смысле, внимания не обратил.

– Не в этом дело. Поясни – как это? Взяли и стали русскими?

– Да очень просто. Сначала тебе дают кличку, а потом эта кличка заменяет имя. А если кличка лестная, то ты не очень-то и сопротивляешься. Если тебя, к примеру, обзовут Пётя – герой, ты же не будешь отказываться? Приято же, когда тебя считают героем и великим человеком. Пускай даже не заслуженно. Это в Москве или Рязани, к примеру, положим, будем говорить, татарин будет татарином. А в городе Париже, он уже русский. А в Африке он уже европеец. Думаешь, негры будут разбираться кто он по национальности? Белый –

значить европеец, будь он даже американцем, всё равно европеец. А в Латинской Америке он будет американцем.

– Почему это? – удивился Пётр.

– Потому, что про Европу, местные индейцы, могли и не слышать, а американцы их достали там.

– Так как же всё-таки, эти, как их там, стали русскими?

– Тогда жили здесь не только голядь, меря и другие, но и славянские племена – вятичи, кривичи и прочие. А русские – это ответ на вопрос: чьи вы данники? Приехал князь, варяг из племени Русь, Святослав Игоревич к вятичам и спросил: «Чьи вы данники?» Они ответили: «Хазарские». А он сказал им: «Нет, я – князь русский и теперь вы будете русскими данниками. Мне будете дань давать». И стали они все русскими, со временем, конечно. Понятно? А уж кто такие варяги из племени Русь, на каком языке говорили, это уж извини, не знаю. Да и никто не знает. Предположения, конечно, разные есть. Скорее всего – скандинавы. Святослав, ясное дело, говорил, как на славянском, так и на варяжском языке. А голядь и меря переняли славянский язык, исказив его до неузнаваемости, а с ним и имя. Ты знаешь, что прямой потомок древнерусского языка украинский язык, а не русский? Не знаешь? Теперь знай. Не стало постепенно ни вятичей, ни меря, ни голяди – все стали русскими. А дань, по-прежнему, платили. Да. Князьям, Рюриковичам, потомкам варягов из племени Русь.

– Как всё запутано. Здесь без бутылки не разберёшься.

Ладно, давай пить, уговорил, речистый ты наш, мёртвого уговоришь.

– Никого я не уговаривал. С чего ты взял? Ну, ладно – усмехнулся Афанасий. – Давай пить, а ты расскажешь, что там, в горах Кавказа.

И два друга принялись добивать начатую, но забытую за разговорами бутылку водки, потом сбегали за второй, потом за пивом, досыта наговорились о войне, с демонстрацией Петром полученных ран, о поездки за мечом, о делах домашних и о многом другом. Поделился всё-таки Афанасий с Петром о своей душевной ране – разделённую ношу нести легче.

Наутро следующего дня у обоих приятелей голова болела жутко.

Глава четвёртая

Через день в квартире Петра раздался телефонный звонок.

– Здорово, Петруха. – услышал он голос Афони.

– Здорово.

– Заходи ко мне. Тут нарисовалось продолжение нашей темы по Уралу. Ко мне гость забрёл такой своеобразный.

– Гей что ли? – насторожённо спросил Пётр.

– Ты за кого меня принимаешь? – обиделся Афоня на том конце провода.

– Манси? – гадал Пётр.

– Сам ты манси. С Кавказа, чеченец. Так что ты настройся миролюбиво. Окейно?

– Не хрена себе. Где же ты раскопал такого экзотического знакомого?

– Ну, это же не папуас. Вообще-то он родился и вырос в Москве. Учился на историческом факультете, на два или три курса младше меня. Сталкивались на различных мероприятиях. Ты зайдёшь?

– Конечно. Заинтриговал, всё-таки. А как он в бандиты попал? Ярый патриот свободной Чечни? Из Москвы рванул в Грозный отвоёвывать свободу у гадов-русских?

– Нет. У них – не у нас. Совет старейшин тейпа решил

воевать, и вся молодёжь пошла. Хочешь, не хочешь, а иди. Это не военкомат, окосить не удастся. Тейп – это клан у них, родственники и не только. В общем, это так с ходу сложно объяснить. Постарайся без конфликтов. Ладно, Петрух?

– Сделаем – заверил тот его.

Пётр мигом собрался, сказал матери, что он скоро будет и пулей полетел к Афоне.

В квартире Крыкова первое, что он увидел, это тёмно-зелёный с красным современный каркасный рюкзак, туго набитый и молодого парня, сидящего на диване в комнате у Афони, классического чеченца – черноволосого, поджарого, высокого, горбоносого, с тонкими усиками.

Парень вскочил с дивана, протянул руку для приветствия. Холодно поздоровались.

Петру он как-то сразу не понравился: почувствовал скрытую вражду и коварство. Потом подумал, что ещё не давно, в Чечне, он всех чеченцев считал коварными и враждебными. Днём чеченец ходит мирно по аулу, улыбается встречным «федералам», а где гарантия, что он ночью не бегает в горах с автоматом?

– Это – Мурад. – представил чеченца Афоня.

– Ну, хорошо – сухо сказал Пётр.

– Вкратце, дело вот в чём, – продолжил Афанасий, – Один чечен и один балкарец собрались за Мечом Аркаима.

Чеченец удивлённо посмотрел на Крыкова.

– Мы его так с Петром назвали, – пояснил Афоня.

– Ага, – кивнул Мурад.

– Это Пётр нашёл тот диск, рисунки, с которого я тебе показывал.

– Афонь, а откуда он знает про Меч Аркорума?

– Аркаима – поправил друга Афоня. – Вот в этом-то вся и интрига. Рассказывай, Мурад.

– Я был в бригаде Исбахана, – начал Мурад, – Слышал о таком?

– Да много мы кого долбили – неопределённо ответил Пётр.

– Нет, он лис ещё тот, его вы не били. Может быть, слегка покусывали, но не били.

– Побьём ещё – пообещал Пётр и уже примирительно добавил: – Ну не важно, хрен с ним, рассказывай.

И Мурад рассказал во всех подробностях о случайно подслушанном в горах Кавказа разговоре между балкарцем Мусой и полевым командиром чеченцев Исбаханом.

– Потом, короче, я ушёл домой, – продолжил Мурад.

– Вот так просто взял и ушёл, на фиг? – удивился Пётр.

– Не так просто, короче, но ушёл. Сказал старикам. Старики сказали: «Надо остановить. Войны больше не надо». Вот приехал к Афанасию за помощью, одному мне не справится, короче, но старики сказали, что убивать не надо этих двух.

– Не хрена себе. Ну и задачи ставят твои старики, – усмехнулся Пётр. – Они не из Большого дома на Лубянке? Я спрашиваю для общего развития.

– Чтобы было общее развитие – спрашивай меньше.

– Почему войны не надо, вам же победа грозит?

– Вот именно – грозит. Двенадцать лет войны, такой хорошей, настоящей и чеченцев не будет, короче.

– Ну, это не так уж и плохо. Хороший чеченец – мёртвый чеченец.

– Петруха, хватит придуриваться, – вмешался Афоня, – я же просил тебя настроится миролюбиво. Можно подумать, русские не пострадают, если начнётся большая заваруха.

– Да кто поверит этим сказкам, Афонь?

– Вот именно, с этим в ФСБ не пойдёшь, а чеченцы могут поверить.

– Значить, наша задача – спасти мир.

– Нет, всё гораздо скромнее, Россию. В смысле сохранить мир в России.

– И как?

– Очень просто. Поехать на Урал, найти меч, забрать его. Эти двое придут, найдут пещеру, а там – шиш с маслом. Не судьба. Развернутся – уйдут, а мы им из далека ручки помашем. Нам меч и слава. Миру мир – войне сами понимаете, что. Россия спасена – мы в шоколаде.

– Скромненько, но со вкусом. Всё как-то просто. Ты не находишь?

– Нахожу. Как всё гениальное.

– Ты же не хотел в эту глушь соваться из-за какого-то куска бронзы?

– Не хотел. Этот меч, конечно, науку не обогатит. Но вдруг новую войну остановит – Третью Чеченскую. Ты разве не навоевался? – затряс головой Афоня.

– Навоевался, навоевался. Да я был первоначально не против туда смотаться. Просто так. А теперь появилась благородная цель. Поедем дышать свежим воздухом, кормить комаров, а, попутно, окажем неоценимую услугу матушке России, о которой она никогда так и не узнает. – Пётр развернулся к Мураду, гневно сверкнул глазами – Зачем вы эту войну вообще затеяли. И Первую и Вторую? Сколько ребят полегло.

– Я что ли эту войну затеял? – возмутился Мурад.

– А кто? Вы ещё года за два стали русское население в Чечне вырезать. Со мной ребята служили – терские казаки – рассказывали, как вы зверствовали, как кишки на забор наматывали, как баб русских бензопилой распиливали.

– Я что ль это делал.? Я в это время в Москве учился. Но если русские вели себя как бараны, то их и резали как баранов.

– Да?

– Да. Да и врут много одни, а другие много хвастают. Никто кишки на забор не наматывал. Ну, может быть, и были отдельные случаи, но массово – нет. Русские массово сами покинули свои станицы.

– Вы их заставили покинуть.

– И что? В Узбекистане и Таджикистане то же самое тво-

рилось. А вашему алкашу всё равно было.

– Я сейчас не про узбеков, а про чеченцев.

– А что чеченцы? Пленных расстреливали. Да. Это война. А русские покорно шли на убой как бараны. Хоть бы один догадался кому-нибудь по моде дать. Убили бы, но похоронили бы как воина.

– Хорошо так рассуждать, сидя на диване. Ты в плену хоть раз был? Я тоже видел ролик, как наших ребят стреляли. Как они покорно шли к этой яме наполненной свежими трупами. И тоже удивлялся. А потом понял, что они в ступоре были. Они не понимали, что происходит. Но я видел и как ваши визжали в плену. Наши на смерть хоть с сухими штанами шли. А как от ваших пахло. Сказать – чем? Или сам догадаешься? Даю подсказку: не фиалками.

– Врёшь, – чеченец вскочил с дивана, сжал кулаки и с ненавистью смотрел на Петра.

– Нет, – твёрдо сказал Пётр и приказал: – Сядь.

Мурад покорился.

– Теперь конечно, прищемили вам хвост, вы и расползлись как тараканы. Теперь уж какая война? Сразу ничего затевать не надо было.

– Не надо – согласился Мурад, – Но денег надо было, лёгких и много. Верхушка обогатилась. Как чеченская, так и российская. Простым людям крохи достались.

– Надо же. А баранов пасти – лень. Ты в курсе, что мы баранину закупаем в Австралии и Новой Зеландии? Ближний

свет. А вам проще людей воровать. И миллионы на крови – хапать.

– Проще, – взорвался Мурад. – Я не понимаю, почему в вашей стране, русский, проще грабить и воровать, чем торговать и что-то своими руками делать. Ты сам попробуй баранов поразводи. Бандиты придут – десять процентов возьмут, а потом СЭС, дальше ГАИ тебя будет обдирать. Сам без шкуры вернёшься. «Разводить» можно только людей на «бабки». Воровское государство.

– Сейчас у нас другой президент – сказал Афанасий. – Может быть, всё ещё наладиться.

– Что наладится? Он – чей человек? Того же вашего алкаша.

– Он такой же наш, как и ваш. И в Чечне к власти попа привели.

– Не попа, а муфтия.

– Да я образно. Не в обиду вашей милости.

– Не надо грязи, Афанасий – мы с ним с одного тейпа.

– Да, он прав, Афанасий, к сожалению, прав. И про президента и вообще – уже спокойней сказал Пётр и посмотрел на своего друга, – стыдно перед инородцем-то. Да и за Россию стыдно. А мы, стало быть, эту самую Россию спасать едем?

– Не понял, ты, против, что ли? – спросил Афоня.

– Почему? Я – за. Родина как-никак. Какая ни на есть, а Родина. Ты с нами, вайнах?

– «С вами, русичи» – как бы с не охотой сказал Мурад

цитатой из «Слово о полку Игореве».

– Ну, вот и славненько – подытожил Афанасий.

– Как я понял, короче, – сказал чеченец, – состав экспедиции решён?

– Да. – хором сказали два друга.

– Когда наши друзья собираются двинуть с Кавказа на Урал? – осведомился Афоня у Мурада, перейдя на деловой тон.

– Я думаю через неделю.

– Значить время есть. Давайте, сначала, маршрут определим. Докуда они должны доехать?

– Посёлок Вылса. Дальше пешком по берегам рек – Вылса, Чорол, Росомаха, дальше гора Акташ, потом по краю болота до ущелья, где пещера с мечом.

– Не ущелье, а урочище Пупы – поправил Афанасий.

– Какая ещё Пупа? – спросил Пётр.

– Не Пупа, Пупы с ударением на последний слог, запомни. Пупы на вогульском – идолы, место поклонения. Вогулами русские звали манси. Где ты раньше был, Мурад? А я мучился, искал это урочище. Сейчас карту достану.

– Где был, где был? – проворчал Иванов. – Да уж не пиво пил, а в наших, гад, пулял.

Мурад закипел и с яростью посмотрел на Петра, тот ответил насмешливо-спокойным взглядом.

– Ну-ну, тихо. Брек. – утихомирил их Афанасий. – Одно дело делать собираемся.

Афоня достал карту.

– Километровка, – похвастал, расстелил карту на столе, все склонились над ней – Так, где у нас тут чего. Вот Вылса, вот он Акташ, а вот оно урочище. Да им километров сорок-пятьдесят топать, да всё лесом. Это дня четыре, ну пять – максимум.

– Как же раньше-то хазары или кто там туда добирались? – удивился Пётр.

– На лошадях, по рекам, по льду. Летом то воевали, а зимой ездили победу вымаливать.

– Мы тоже – пешком? – спросил Мурад.

– А если кто из местных скажет твоим друзьям (а ведь скажут.), что недавно трое туристов прошли. Это твоего Мусу не удивит? Это же не рай для пешеходников. Пешие туристы там не ходят, а тут сразу две группы. Да ещё один явно кавказец. А другая группа – только кавказцы. Местные с ума сойдут. И это вызовет у твоих дружков некоторое удивление. Нам же надо, чтобы всё было тихо.

– Что предлагаешь?

– Я предлагаю, как настоящим героям идти в обход. Зайти с другой стороны, из Сибири. Доехать на поезде до Ивдели, бывшем городе золотоискателей, а там, на попутной машине до посёлка Плотинный, потом шесть километров пешком через горы до посёлка Манькин Прииск. Он стоит на реке Посьма. И по ней на катамаране до реки Вылса, а по Вылсе до Чорола. Потом против течения по Чоролу до Росомахи.

По Росомахи до речки Лиственничная, а она уж почти до урочища доходит, в смысле там недалеко её исток. От Плотинного до урочища Пупы пятьдесят километров, ну, может, чуть больше, но мы их на катамаране за два дня пролетим и не вызовем не у кого ни каких подозрений. Туристы-водники. Чайники. Решили прокатиться по быстрой, но более или менее спокойной реке, там только одно препятствие не много серьёзное, но для катамарана – ерунда.

– И сколько же на поезде тащиться до твоей Ивдели?

– Ну, чуть дольше, чем им. Ерунда, мы их всё равно обгоним. Я за эту ночь, после того, как уложил Мурада спать, всё обдумал, всё рассчитал. Даже тащить катамаран против течения – всё равно быстрее. У меня есть аж четыре костюма гидрозащиты, они безразмерные, ты, Петя, знаешь. Так что всё будет отлично. У меня бабушка из Первоуральска. Это почти мои родные места.

– Ну, Афанасий – вздохнул Пётр. – Кстати, а почему тебя так назвали?

– Был такой фильм «Россия молодая», отцу очень нравился, там главный герой – Афанасий Крыков. И была такая фраза: «Афонька Крыков им покажет». Чего он там показывал, не знаю, но, когда в роддоме меня передавали на руки отцу, я заорал, отец засмеялся и сказал: «Афонька Крыков им покажет». Вот так меня и назвали. И ещё прадеда моего звали Афанасий, деда моего отца. Но это всё лирика, давайте расписывать, что нам надо, если все согласны с моим

планом.

– Согласны, – за себя и за Мурада ответил Иванов. – Афанасий ты наш Никитин – веди нас за три моря, короче пути, я так понимаю, нет. Только вот катамаран тащить шесть, а я так, подозреваю, где шесть там и все десять километров – удовольствие не из приятных.

– Каркас можем не брать. Там палки срубим.

– Где? У посёлка? Нет, лучше уж с собой возьмём родной каркас. Зачем лишний шум?

– Хорошо, лишь бы улыбался, всё для твоего блага, – улыбнулся Афоня.

– А почему катамаран? На катамаран надо четыре человека, а нас только трое?

– А в байдарке – двое, куда третьего денешь? Каяка одноместного у меня нет. Или давай тебя дома оставим. Не хочешь? Так что – катамаран. Да и река спокойная, почти без приколов, как-нибудь втроём дойдём. Ну, что? Приступаем к разработке операции под кодовым названием «Меч Аркаима».

– Нет, Афонь, – сказал Пётр, – на катамаране втроём не ходят. Нос одной гандолы задираться будет.

– Утяжелим.

– Нет, это не выход. Надо четвёртого брать. Тем более у тебя гидрокостюм один лишний есть. Почему у тебя их четыре? Потому, что четверо на катамаране ходят.

– Правильно. Всё правильно. Но. Кого? Кого брать? Неко-

го – расстроено сказал Афоня.

– Можно было бы Наташку Рябикову.

– Она замуж выход, – грустно сказал Афоня.

– Это она тебе сама сказала.

– Нет, но что, Ленка Костикова врать, что ли будет?

– Ленка Костикова? Ну, Ленка может и соврать. Фантазия у неё богатая. Такое придумает.

– Да? – в голосе Афони послышалась слабая надежда.

– Да.

– А если – нет?

– А если – да?

– Что вы спорите? – спросил Мурад. – Позвоните и узнайте, если действительно нужен четвёртый. Но бабу вмешивать в эти дела …

– Эта баба, что надо, баба, – сказал Пётр.

– Ну, так звони, короче, – сказал Мурад.

– Мне страшно – признался Афоня.

– Ну, давай я позвоню – предложил Петя.

– Давай, – обрадовался Афоня, – предложи ей участвовать в экспедиции. А вдруг согласится. Только ты не сразу, не в лоб. А так тактично, издалека подводя к главному.

– Хорошо – согласился Пётр и пошёл в коридор, где находился телефон.

Раздался характерный звук набора номера. Молчание.

– Привет, Наташ. Это Петя Иванов.

– Привет Петя Иванов. С возвращением.

– Спасибо. Но мы с Афоней и ещё одним, собираемся в экспедицию на Северный Урал. Ты с нами? Нам одного человека не хватает.

Афанасий схватился за голову. В трубке какое-то время молчали. Потом девушка сказала:

– С вами, Петя Иванов, конечно с вами. И пускай Крыков уберёт руки с головы. Ну, не умеешь ты тактично, Петя Иванов, издалека подходить к главному.

– Слышь, Афонь, она сказала, чтобы ты убрал руки с головы. Ну, не умею я подходить издалека, – сказал Пётр и, опомнившись, в трубку: – Почему, не умею?

– Ну, не умеешь, – примирительно, ласковым голосом сказала Наташа. – Вы у Крыкова? Сейчас приду.

– А жених что скажет?

– Какой жених? – удивилась Наташа.

– Ну, ты же замуж выходишь через две недели.

– За кого?

– Тебе видней.

– Кто тебе сказал?

– Афоня.

– А ему кто сказал?

– Лена Костикова.

Наташа фыркнула в трубку:

– Слушайте её больше, она вам и не то скажет.

– Так ты замуж не собираешься? – обрадовано спросил Пётр.

– Пока нет. Ждите, сейчас приду.

Пётр положил трубку и сказал:

– Радуйся, Афоня, она замуж и не собиралась.

Афанасий улыбнулся.

Вскоре в квартире Крыкова появилась высокая крепко сбитая девушка. Ну, просто русская красавица. Только вместо большой и толстой русой косы, она носила короткую стрижку. Но волосы были русые и густые. И большая для девушки грудь, на которую тут же инстинктивно уставились ребята. Но Наташа к этому уже привыкла.

– Рты закройте, – скомандовала она – и рассказывайте.

– Как-то не логично, – сказал Афоня. – Как можно рассказывать с закрытым ртом?

– Крыков, помолчи.

– Так он же главный рассказчик, – вступился за друга Пётр.

– Хорошо, Крыков, рассказывай.

И Афанасий, сначала немного смущаясь, начал рассказывать план экспедиции. Наташа слушала внимательно, задавала дельные вопросы, смотрела карту. Потом сказала задумчиво:

– Ну, что, хорошо. Давайте попробуем. Я согласна ехать с вами.

Ребята, двое русских, довольно заулыбались, Мурад неопределённо пожал плечами.

Они ещё три или четыре часа занимались раскладкой:

сколько брать продуктов, какую палатку, сколько котелков и прочее, прочее, прочее. Решили взять пять бутылок водки, одну на всякий случай (вдруг придётся долго пробыть в холодной воде), а четыре других для налаживания контактов с местным населением, как выразился Афоня. Купили туристические ботинки для Петра, Афанасия и Натальи, кеды для Мурада и Петра (на катамаране в них удобней), у Афони и Наташи кеды были свои.

Через три дня, после беготни по магазинам и прочей суеты наши искатели Меча Аркаима сели на поезд на Ярославском вокзале. Ехать им предстояло тридцать шесть часов.

Глава пятая

Когда они нагруженные со всех сторон поклажей, красные и потные, появились у своего вагона, молоденькая проводница с надеждой в голосе, спросила:

– Ребята, а вы точно ко мне?

– К вам, – успокоил её Афоня и протянул билеты.

Проводница посмотрела билеты, вернула их Афоне и сказала:

– А вы знаете, что на одного человека, разрешено провозить груз не более тридцати шести килограмм?

– Естественно, сударыня, мы это знаем, – ответил вежливый Афанасий.

– А у вас будет тридцать шесть килограмм?

– Конечно, будет, – заверил её Афоня.

На самом деле у них было гораздо больше килограмм на каждого. Тяжёлая эта штука – катамаран.

Они потом ещё часа два распихивали по купе все эти рюкзаки, сумки, упаковки от катамарана. Уселись они на свои места, утирая пот, изрядно переругавшись перед этим, только тогда, когда поезд уже давно покинул пределы Москвы и стучал колёсами по Подмосковью.

Зашла проводница за билетами, посмотрела на дела их рук, покачала головой и ничего не сказала. Правда, потом

пришла и предложила чаю. От чая они не отказались.

После чая Наташа сказала:

– Ну, мальчики, шли бы вы покурить.

– Мы же не курим, – удивился Пётр.

– А меня это не волнует. Это ваши трудности.

– Ладно, – сказал Афоня, – пойдём в окно посмотрим с той стороны.

Дверь купе за ними закрылась на замок.

Ребята молча стояли у окна и смотрели на проплывающие мимо пейзажи. Когда замок щёлкнул ещё раз, открываясь, и они вошли, то увидели, что девушка сидит в халате, домашних тапочках и читает книгу.

– Что читаешь? – поинтересовался Афоня.

– «Обыкновенную историю» Гончарова.

– Я заметил, – сказал Петя, – что Гончаров написал всего три книги и все они на «о». «Обломов», «Обыкновенная история» и «Обрыв».

– Действительно, – сказала Наташа, – какой ты Петя Иванов наблюдательный.

И опять уткнулась в книгу. Парни, Пётр и Мурад полезли на свои верхние полки, смотреть в окно. Афанасий внизу смотрел на Наталью.

Как им было хорошо прошлой осенью. Какая любовь. Ему почему-то запомнились большие жёлтые кленовые листья на асфальте. И вот первого декабря поссорились. И, главное, он не мог вспомнить из-за чего. Так и не помирились.

Первая ночь в поезде прошла спокойно. Днём смотрели, как за окном пробегают леса, поля, стога сена и прочие не броские, но такие милые, российские пейзажи. Всю снедь вывалили на стол: курицу, варёную картошку, помидоры, огурцы, сало и сильно газированный напиток – три бутылки по два литра. Ели от скуки целый день. Проводница два раза чай приносила. Лениво переговаривались.

Афанасий спросил Мурада:

– Откуда этот твой чеченец и балкарец знают друг друга?

– Наши отцы в Казахстане в одном ауле жили.

– Наши?

– И мой тоже. Между прочим, дед мой в войну Брестскую крепость защищал. А жену его и детей за шкирку и в ссылку.

– Откуда знаешь?

– Что?

– Что в Бресте воевал.

– Из писем. Там погиб. А всю нашу родню, всех чеченцев, ингушей, балкарцев – в Казахстан. Что среди русских предателей не было?

– Были. Ты же историк, Мурад, ты же знаешь – были. Только всех русских в Казахстан не загонишь. Казахстана не хватит. И Узбекистана тоже. Вместе с Сибирью. Поэтому их, и правых, и виноватых, загнали в другую страну – Тот Свет называется. Из Казахстана вы вернулись, да ещё казачьи земли прихватили, а с того света никто не вернулся.

– Казачьи земли нам ещё царь дал, а потом Советская

Власть в самом начале прибавила, так что не надо грязи.

– Надо же и они ещё обижаются. Правильно. Вы в Гражданскую войну казаков в спину били, потому – что, они были за белых, а вы, якобы, за красных, вот вам землицы и отсыпали.

– Почему – якобы? За красных. И землю нам дали, как и обещали: земля – крестьянам. Вот и дали. Не отказываться же.

– Правильно. Тем более что хозяева земли на том свете. И ушёл в басурманские руки казачья крепость – город Грозный.

– Так они и в Чеченские войны продолжили начатое. Геноцид это называется, дорогой мой патриот Чечни – вставил Пётр.

– А … – начал было Мурад, но Афоня его перебил:

– Про Казахстан мы уже слышали.

– Да ну вас, – сказал чеченец и уставился в окно.

– Ладно, не обижайся.

– Что «Не обижайся?» Вы, русские, когда с людьми другой национальности говорите, не важно, с кем: чеченцем, татарином или немцем. Чувствуется внутреннее превосходство. Вы как бы говорите: «Ты, конечно, парень хороший, но я-то лучше.»

– Да? – сказал Афоня. – Не замечал. Но с другой стороны: мы заслужили. Своей исторической судьбой, так сказать.

– Не замечали… Вон Петя тоже матерное словцо вставля-

ет через раз. Сам его не замечает, и мы это как бы не замечаем.

– Да вы что, – воскликнул Петя.

– Есть, есть, – улыбнувшись, сказала Наташе.

– И когда с тобой говорю?

– Да.

– Как не удобно-то. И какое?

– Из трёх букв – сказал Афоня – На «ё» начинается. Аббревиатура: Ельцын Борис Тимофеевич.

– Он Николаевич, – растерянно поправил друга Петя.

– Вот именно. А ты его Тимофеевичем.

– Нет, – сказала Наталья – правильнее – Ёлкин Павел Тимофеевич. Так произносит это слово-паразит наш друг Петя Иванов.

– В общем-то, да, – согласился Афоня.

– Ой, не вгоняйте меня в краску, я всё понял. Это отголоски войны и хронического недосыпа. Буду бороться.

– Борись, – позволил Афоня, и обратился к Мураду: – Где эти двое? Как думаешь?

– Не знаю, – пожал плечами Мурад, – к Москве, наверное, подъезжают.

– Значить на сутки мы их опередили. Будем надеяться. А что касается всех этих исторических обид, не только чеченских, так я тебе скажу: знаешь, на катамаране все гребут одинаково, но каждый. Заметь, каждый. Думает, что он один надрывается, а другие нагло сачкуют. Петрух, скажи.

– Да, это точно.

– Так вот и в Союзе было. Все думали, что русские жируют, гады, особенно москвичи. Петрух, скажи.

– Да, это точно.

– А оказалось, что это русским хуже всех жилось. Разошлись по своим национальным квартирам – теперь все к нам лезут, как будто тут мёдом намазано и опять за счёт нас пытаются жить.

– Ну, вы русские добренькие. У вас Боженька добренький, он вам всё прощает, и вы добренькие – всем всё прощаете.

– Вот именно. Главное, чтобы мы, русские, не обозлились.

– Поэтому я и еду с вами за Мечом Аркаима, чтоб вы – русские не обозлились.

– Про Аркаим что только не пишут, – Афанасий перевёл разговор на другое. – Что это обсерватория, что это город какого-то медведя (откуда в степи медведи?), что там жили арии – предки славян, а то и русских. Арии может быть, там и жили, в смысле индоарии, которые там точно жили, но причём тут славяне вообще и русские в частности?

– На дураках деньги делают – с призрением сказал практичный Мурад.

– Это да, – сказала Наташа. – Легче всего деньги делать, вешая лапшу на уши, это на здоровье и перевёртывая, перевирая исторические факты. На здоровье, как говорила моя бабушка: «Когда болеешь, кусок дерьма съешь», поэтому всему поверишь. Всё попробуешь. Кусок мела (это в лучшем

случаи) купишь за бешенные деньги и съешь как панацею от всех болезней.

– А история? – подхватил Афанасий. – Так всё равно не проверишь. Или просто интересно почитать, когда тебе говорят, что это от тебя коммуняки скрывали. И ты скажешь: «Вон оно что. Это, оказывается, не мы шведов под Полтавой победили. А они нас. И, даже не они, а их союзники, пламенные борцы за незалежную Украину, украинские казаки.» А то, что украинцы стали называть себя украинцами только в конце девятнадцатого века, это не учитывается. Это не интересно. Или скрывается. А Богдан Зиновий Хмельницкий считал себя русским. Да, он жил на Украине. И Украину он привёл под руку российского царя, но считал себя русским и по вере, и по национальности. И все казаки его считали себя «руськими людьми». Хотя история всегда была на службе современной политики. Во все века историю перекраивали в угоду действующей власти. И про Аркаим. Неужели нельзя догадаться, что три с половиной тысячи лет назад не было даже в проекте ни славян, ни тюрок, никого из ныне живущих народов? Просто элементарно включить мозги? Неужели так много дураков на белом свете?

– Дураков хватает. А чеченцы, тогда, были.

– Да ну?

– Да. По нашим легендам мы вышли из Шемара, то есть из Шумера.

Наташа весело засмеялась, чуть щуря глазки:

– Ого, как скромно. Чеченцы – старше китайцев.

А Афанасий сказал:

– Только чёрт вас, какой видел, как вы из Шумера выходили. Значить жили – не тужили у Персидского залива, на берегу Тигра и Евфрата, и, вдруг, решили податься на Северный Кавказ. С чего вдруг вас туда понесло?

– По легенде из-за войны. Искали тихое место.

– Нашли? Мало ли что легенды говорят. Где этот Шемар находится и что это такое?

– Мы тоже за мечом по легенде едем, – обиделся Мурад.

– Да, но, легенда, подкреплённая диском, что Петька нашёл.

– И у нас это фактами подкрепляется: язык отдалённо напоминает шумерский, пантеон языческих богов схожий.

– Если, честно, я этим не интересовался, я не знаю. Про язык тем более.

– Я тоже, – сказала Наталья, – в общих чертах знаю, а так что бы досконально – нет.

Помолчали. Потом чеченец ехидно заметил:

– Вы, русские, странный народ – хвастаетесь тем, чего нормальные люди должны стыдится.

– Например?

– Пьянством. Нация алкашей.

– Ну, не надо грязи, – встрял в разговор Иванов. – Мой дед первый раз выпил в шестьдесят лет и ни разу в жизни не курил и умер почти в девяносто девять лет, месяц не дотя-

нул, а если бы вообще не пил, то может, и до ста бы дожил.

– Это правда, – продолжил Крыков. – Русские начали пить массово, где-то после войны. Фронтовые сто грамм способствовали спаиванию населения великой, тогда ещё не пьющей страны. Сталин не думал, что трезвые за него пойдут воевать.

– Те, кто пил перед боем – из него живыми не выходили, – вставил Пётр.

– Это правда, – подтвердил Мурад.– В лучшем случаи, будет ранен.

– Так оно, как правило, и было, – согласился Пётр.

– Так воевали то стали, в конечном итоге, трезвые и не за Сталина. А за Родину, – продолжил Афанасий, – но сто грамм то куда девать? Выпивка для русских экзотика. Поэтому любят наши выпить на халяву. И не как хватит, а как всё. Почему? Потому, что завтра выпивки может и не быть. Если у француза или грузина вино год не переводится – пей –не хочу. То у русского это всё от случая к случаю. А тут представляете, после войны, возвращаются домой ветераны, все в медалях да орденах. Герои. Но пьют безбожно. На войне привыкли. И тогдашние мальчишки стали им подрожать. А плохое прививается быстрее, чем хорошее. Дорога вниз имеет мало остановок.

– Но это всё как-то утрировано. – усомнился Мурад. – Ещё с Петра Великого в русской армии наливали чарку перед боем.

– А перед Бородинской битвой от чарки отказались, – вставила Наташа.

– Да. Хотя многие и отказывались, – продолжал Афонасий, – особенно перед серьёзным боем. И армии были не такие огромные, поэтому спаивание не происходило в таких массовых количествах. А до этого просто негде было взять. У колхозников не было денег. У них были трудодни. То есть натурой платили. А нет денег – нет и магазинов. Да и до революции была напряжёнка с магазинами и деньгами. Надо было делать выпивку из собственных продуктов. А это было чревато. Мы жили в зоне рискованного земледелия, больших избытков-то продуктов не было. Поэтому, что из ячменя делать – пиво или кашу, выбор делали в пользу каши. От голода даже пьяными никто умирать не хотел.

– Согласен, – сказал Мурад. – вы единственная нация, которая закусывает. Остальные запивают еду вином или пивом, вместо компота, или пьют виски или типа того в чистом виде, одни вы норовите даже вино чем-то закусить. Но упорно говорите, что всех перепьёте.

– Русские не сдаются, – отрезал Иванов и глупо засмеялся.

– Причём здесь «не сдаются»? – поморщилась Наталья. – Что за бравада такая глупая? Было бы, чем гордится. Ты же не пьёшь, Иванов?

– Ну, в общем-то, да. Так от случая к случаю.

– Хотя, да. Напиваются, вусмерть, не сдаваясь, – продолжал философствовать Афоня. – Это, кстати, тоже черта на-

ционального характера. Наши национальные хмельные напитки – это пьяный квас, мёд, брага, пиво. Делали их от случая к случаю, то есть по праздникам. И сколько в них было градусов? Три, максимум – четыре. Тут до смерти упиться сложно – пузо лопнет.

– Любитель выпить – слабый человек – стал размышлять Пётр, поддерживая убеждения друга. – Нельзя сначала глушить водку по-чёрному, а потом идти мир спасать, как Брюс Уиллис в «Крепком орешке». Чего-нибудь одно – или ты пьяница или спаситель мира. Пьянство и геройство не совместимы.

– Как гений и злодейство, – задумчиво сказал Мурад.

– Как что? – не понял сначала Пётр и тут же сообразил. – А, ну да. Пушкин?

– Он. – подтвердил уже Афоня и, подумав немного, продолжил размышления:

– Самое смешное – государственный стандарт со словом «водка» утвердили в 1936 году и стали печатать на этикетках этого напитка. Шестьдесят лет назад.

– Да ладно. – удивилась Наталья. – Не знала.

– Да. Всего-навсего. До этого этот напиток, так сказать, «национальный», назывался «казённое вино». Или, в просторечии – «казёнка». А ректификационную колонку, необходимую для производства спирта, из которого, в свою очередь, делают водку, изобрели только в двадцатых годах девятнадцатого века. До ума довели только к концу того же ве-

ка. В 1895 году народного здравия для, ввели винную государственную монополию. Стали заставлять народ пить разведённый этиловый спирт. А самогон гнать запретили. Хотя его не очень-то и гнали. И пьянствовать не очень-то и хотели. И бунтовали по этому поводу. Но государству нужны были деньги, и оно уверяло, что чистый разбавленный спирт лучше самогона.

– Хотели, как лучше, получилось, как всегда. – вставил Пётр.

– Я бы эти слова Черномырдина золотом выложил на кремлёвской стене. Прям за мавзолеем. Только лучше-то хотели власти для себя любимых. А народ – хрен с ним, пусть спивается, лишь бы казну наполнить. И получилось это у советской власти, а не у царской. На «отлично» получилось. Те, кого не расстреляли, не убили в Гражданскую войну – стали спиваться. Вымирать стала Россия. Революция в целом принесла много бед русскому народу. И сумеем ли, сможем ли, мы возродится – большой вопрос.

– Сумеем, – убеждённо сказал Пётр.

Наталья продекламировала стихи Блока:

– Мильоны – вас. Нас - тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами.
Да, скифы – мы. Да, азиаты – мы.
С раскосыми и жадными очами.

– Между прочим, – продолжила она, – скифы все, какие-нибудь стоящие события своей жизни отмечали чашей вина. Ничего не напоминает?

– Ну и что? – парировал Афоня. – Это знать. У простого народа, откуда вино возьмётся? И татары делали тоже самое, только вместо вина кумыс. О чём это свидетельствует? Что у нас общие предки – скифы. И у степняков, и у русских. У степняков раскосые глаза и азиатское происхождение, а с русскими, согласно Блоку, лучше не связываться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.